

А.Ю. СУНГУРОВ

ЭКСПЕРТНЫЕ СООБЩЕСТВА И ВЛАСТЬ: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ И УСЛОВИЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

При анализе политических процессов различной природы и уровня исследуются, как правило, их основные акторы – государственная власть в целом и ее отдельные «ветви» и структуры, политические партии, группы интересов, гражданские организации. При этом вне фокуса внимания часто остаются тем или иным образом организованные сообщества людей, обладающих «властью особого рода – властью называть вещи их именами», т.е. представители академического и экспертного сообщества. Роль этих участников политического процесса становится особенно велика при подготовке, принятии и реализации политико-управленческих решений, для обозначения которых в английском языке используется термин *policy*. В этой статье мы рассмотрим некоторые из существующих сегодня представлений о характере взаимодействия экспертных сообществ и власти в процессе подготовки и принятия политико-управленческих решений, выделим три возможные модели такого взаимодействия, а также сформулируем условия реализации этих моделей.

Модели взаимодействия власти и экспертного сообщества

Несмотря на существенное развитие представлений о сложном и взаимовлияющем характере власти и экспертного сообщест-

ва [Балаян, 2015; Волынкина, 2011; Казакова, 2012; Малинова, 2013; Noppe et al, 2013; The politics of scientific advice, 2011], сегодня, особенно в российской научной литературе, много внимания уделяется так называемому линейному характеру этого взаимодействия, или, по терминологии современного классика в области публичной политики Шейлы Джасанофф (Sheila Jasanoff), линейно-автономной модели.

В рамках этой модели научные факты устанавливаются без какого-либо учета возможных общественно-политических последствий. И лишь затем эти факты учитываются при решении общественно-политических проблем, соответственно, политические решения созревают по мере перехода от научно установленных фактов к ценностям. Ученым дается право обосновывать качество и цельность их открытий и результатов по своим собственным правилам, перед тем как суждение политиков вступает в игру. Отступление от этого идеала угрожает превратить науку в инструмент политики. В случае потери автономии наука, как считается в рамках этой модели, не сможет предоставить лицам, принимающим решения, объективную информацию о функционировании природы или общества [Jasanoff, 2011].

Такой подход на первый взгляд кажется вполне оправданным, особенно в нашей стране, где в годы советской власти ученые были объектом жесткого давления партийно-государственного аппарата и силовых структур. Однако в странах с устойчивым демократическим режимом, где такое давление стало скорее исключением, чем правилом, возникли сомнения в адекватности линейно-автономной модели реальной практике взаимодействия власти и экспертного сообщества. Прежде всего эти сомнения связаны с тем, что любой ученый является в то же время и членом общества, в котором он живет, поэтому он не может гарантировать свою беспристрастность к любой проблеме, которую изучает. Например, вопрос о строительстве атомных станций в определенном регионе страны может касаться его лично. Чем ближе изучаемый вопрос к социальной и политической жизни общества, тем сложнее ученому контролировать свою собственную научную беспристрастность. Выходом в этой ситуации могут и должны стать различные формы внутренней оценки качества научных работ, классическими примерами которых могут служить обсуждения их результатов на на-

учных семинарах и конференциях, а также практика рецензирования поступающих в научные журналы текстов научных статей. О подобных и иных практиках внутреннего контроля качества научных работ пишет, в частности, Даниэль Саревитц [Sarewitz, 2011].

Вместе с тем эти механизмы также могут давать сбои, особенно при исследовании систем с высокой степенью неопределенности, при изучении редко повторяющихся событий и т.д. [Oreskes, 2011]. Известно также, что в процессе развития науки периодически возникают ситуации, когда позиции, сильно отличающиеся от принятой в научном сообществе парадигмы, игнорируются этим сообществом, а после смены парадигмы в процессе научной революции становятся началом нового и перспективного научного направления [Кун, 2009]. Кроме того, среди общественных активистов (например, из «зеленого» движения) часто возникает скептицизм к научным данным в области состояния окружающей среды, выполненным по заказу правительств [Oreskes, 2004].

Еще одна и, возможно, более важная причина существенного ограничения применимости линейно-автономной модели – это то, что она не учитывает существования так называемых пограничных структур (*boundary structures*), возникающих на границах между системой научного знания и системой власти – в данном случае системой администрирования, управления различными политиками (*policy*) в данной местности, стране или регионе. Понятие (и даже теория) таких пограничных структур было предложено для границы «наука – власть» в 1999–2000 гг. Дэвидом Гастоном [Guston, 1999; 2000] и развита затем в работах ряда авторов (см.: [Miller, 2001] и статьи А.Ю. Беляева и Е.А. Глуховой в этом номере журнала).

Важно также учитывать, что в современных органах власти, в администрациях различного уровня работают образованные люди, и некоторые из них имеют опыт серьезной научной деятельности. Однако они встроены в иерархическую властную систему, и им всегда не хватает времени, основное количество которого уходит на рутинную, повседневную работу. Если же к ним подключаются представители экспертного сообщества и активисты групп защиты общественных интересов, то в результате могут сложиться так называемые коалиции общественных интересов (*Advocacy coalitions*), которые, в соответствии с концепцией Пола Сабатье и Хэнка

Дженкинск-Смита, выступают источниками и организаторами продвижения инноваций в области публичной политики, подготовки и принятия политико-управленческих решений [Сабатье, Дженкинск-Смит, 2008]. Все это свидетельствует, на наш взгляд, в пользу зуда недостаточности линейно-автономной модели.

Вместо нее Шейла Джасанофф предлагает новую модель, которую она назвала моделью *virtuous reason* (возможный перевод – модель «действенных оснований»). В рамках этой модели не делается резких разграничений между научным знанием и поисками общественного блага, в ее фокусе вопрос о том, как интеграция науки и политики может помочь лучшему достижению желаемой публичной цели. Здесь делается акцент не на инструментализации науки, а на согласовании научных выводов с широким набором социальных ценностей, особенно с учетом угрозы неизвестности и невежественности. При этом, как отмечает Джасанофф, любые реформаторские усилия должны признавать, что процесс оценки справедливости научных рекомендаций для использования в улучшении той или иной политики (policy) жизненно связан с институциональной историей и культурой, что делает любые универсальные панацеи как неосуществимыми, так и нежелательными [Jasanoff, 2011, p. 21].

По мнению редакторов коллективной монографии, посвященной опыту научных консультативных советов, все множество существующих вариантов их создания и деятельности может рассматриваться как варианты ответа на две потенциальные угрозы. Во-первых, любой публичный совет уважаемых обществом экспертов в случае его игнорирования властей предержавших может нанести ущерб легитимности власти. Во-вторых, подчиненность консультативного органа воле правительства угрожает авторитету ученых. Отсюда следует, что конкретная форма организации любого консультативного органа отражает конфликт между независимым и зависимым «советованием» [The Politics of scientific advice, 2011, p. 10]¹.

¹ Подчеркнем здесь труднопереводимое на русский язык использование термина «advice», который естественно переводится как совет. А вот уже широко применяемый, в том числе и в официальных названиях таких советов, термин «Advice committee» сложно перевести как «советовательный комитет», в этих случаях мы будем использовать термин «консультативный комитет». Однако в

С позиции организационного подхода эти консультативные структуры подробно анализировались в рамках уже упоминавшейся концепции «пограничных структур» Дэвида Гастона [Guston, 2001]. Исходно под пограничными структурами понимались организации, обладающие следующими свойствами: «(1) они помогают преодолеть границу между наукой и процессом принятия политических решений, (2) они существуют между двумя социальными мирами, обладающими определенными ответственностью и подотчетностью к обеим сторонам границы, (3) они обеспечивают пространство для легитимизации пограничных объектов благодаря тому, что они одновременно достаточно пластичны, чтобы адаптироваться к локальным нуждам и ограничениям обеих сторон, нанимающих их, и, с другой стороны, достаточно надежны, чтобы поддерживать общую идентичность сквозь границы» [Cash, 2001, p. 439].

В качестве примеров таких пограничных структур вначале рассматривались преимущественно научно-консультативные советы, созданные при органах власти. Главным достоинством подобных «пограничных структур» считается их способность обеспечить «институциональное пространство, в рамках которого могут развиваться и эволюционировать долговременные двухсторонние коммуникации, развиваются новые технологии управления, и сами границы оказываются преодоленными. Пограничные организации становятся динамичными структурами, отвечающими изменяющимся интересам акторов по обе стороны границы» [Cash, 2001, p. 450]. Сегодня к «пограничным структурам» относят уже и организации типа фабрик мысли [Medvetz, Power, 2012].

Эти «пограничные организации» становятся важным элементом ряда моделей трансфера знаний от академической науки к

этом случае исчезает такое важное свойство «Advice organization», как субъектность авторов этих советов, которые могут даваться не только по запросу лиц, принимающих решение, но и по собственной инициативе представителей экспертного сообщества. В термине же «консультативный совет» субъектность участников нивелируется: консультации по определению даются только по запросу власти, инициативная консультация – это нонсенс. Такое различие отражает и слабую пока субъектность российского экспертного сообщества. Исключением являются немногие устойчивые организации типа фабрик мысли, например Центр стратегических разработок образца 2011–2013 гг. Но это уже другая форма структур-медиаторов, или «пограничных организаций».

промышленной индустрии. Например, в варианте модели «Тройной спирали» в качестве третьего партнера подразумеваются правительственные структуры, а в варианте модели «Наука – режим 2» знание производится уже с учетом его применения. Это подразумевает, в свою очередь, что те, кто планирует его использовать, скорее являются соучастниками процесса получения нового знания, чем простыми потребителями конечного продукта [Hellström, Jacob, 2003].

Наконец, в нескольких исследованиях концепция «пограничных организаций» применяется уже к структурам, целью которых является содействие конструктивному взаимодействию и сотрудничеству между различными новыми общественными движениями, а также их конструктивные взаимоотношения с местной властью и бизнесом. При этом сами «пограничные структуры» могут возникать снизу, вокруг конкретной проблемы, например, путем создания группы в Интернете, с привлечением к участию всех желающих [O'Mahony, Bechky, 2008]. Таким образом, в качестве партнеров носителей научного знания начинают выступать не только властные структуры, но и гражданские организации. Тем самым эксперты оказываются уже участниками процессов делиберативной демократии, в рамках которых гражданские активисты приобретают экспертные знания, а вовлеченные эксперты становятся носителями гражданского активизма [Назарчук, 2011].

Отметим, что практически одновременно с Дэвидом Гастоном [Guston, 1999] нами было предложено близкое к концепции «пограничных организаций» представление о существовании в поле публичной политики особых институтов – посредников, выполняющих медиаторскую функцию [Сунгуров, 1999]. При этом мы исходно рассматривали не только отношение «наука – власть», но и «наука – общество», и «общество – власть», и в качестве институтов модераторов видели не только фабрики мысли, а также общественно-консультативные советы и институт омбудсмена.

Наконец, обращаясь к ситуации в современной России, нельзя не отметить определенное возрождение существовавшей в СССР модели «приводных ремней», когда функцией общественных наук считалось научнообразное обоснование правильности принимаемых руководством КПСС решений. Сегодня эта модель принимает вид модели «оплаченного результата», в рамках которой предполагается,

что заказчик исследования заранее указывает нужные результаты, а дело ученых – лишь их аргументированно обосновать. Именно исходя из подобного подхода в докладе Российского института стратегических исследований недавно предлагалось называть «иностранными агентами» чисто академические и образовательные структуры (например, Институт социологии РАН или МГИМО (У) МИД России), получавшие зарубежные исследовательские гранты [Доклад, 2014]. Отметим также, что подобная модель существует и в определенных сегментах общественного мнения в демократических странах, именно она определяет недоверие экологических активистов к оплаченным властью или концернами результатам научных исследований окружающей среды.

Функции экспертных сообществ

Сформулируем теперь основные функции экспертных сообществ, характерные для трех приведенных выше моделей. Так, в рамках модели «оплаченного результата», когда ученому или эксперту заранее формулируют тот или иной результат, его функция заключается в наукообразном его обосновании (а он, в свою очередь, с готовностью берется за такое дело), мы можем говорить лишь о *символической функции*, когда своим участием ученые или эксперты лишь легитимизируют уже принятое решение. В случае «линейно-автономной» модели реализуется прежде всего *функция научного консультирования* лиц, принимающих решения, т.е. происходит сужение поля возможных решений, а также прогнозирование последствий тех или иных решений. На наш взгляд, в условиях авторитарных или, выражаясь иначе, моноцентрических политических режимов велика вероятность перерождения этой функции в ее дисфункцию, которой с позиции поиска истины можно считать *символическую функцию*.

Для случаев реализации модели «действенных оснований» велика вероятность реализации *инновационной* (инновативной) *функции, функции генерации и продвижения инноваций в поле публичной политики*. Она может выражаться в виде «советования», когда члены экспертных советов обладают определенной автономностью, включающей в себя возможность как кооптировать

новых членов, так и давать не только консультации, но и советы – даже в тех случаях, когда власти предрержающие их не спрашивают. В этом случае можно говорить о *формировании повестки дня* для принятия политико-управленческих решений. Если же власть не желает слышать предложения экспертов, они могут влиять на процесс принятия решений через публичную сферу, через СМИ, НКО, оппозиционные политические партии. Обеспечив же актуальность сформулированной проблеме, эксперты могут также разработать и предложить вариант ее решения, реформы в том или ином секторе поля политико-управленческих решений, которые и являются инновациями в этой сфере [Сунгуров, 2010].

Четвертой функцией академического и экспертного сообщества, в соответствии с концепцией публичной социологии американского социолога Майкла Буравого, является *функция гражданского активизма*, непосредственного соучастия в социальных или политических движениях и акциях. Он считает, что социология – это не просто наука об обществе, но и наука, содержащая в себе понятие ответственности – как перед самим обществом, так и за его развитие независимо от того, что считает нужным делать с этим обществом государство (перед которым ответственна, по мнению М. Буравого, политология) или рынок (перед которым ответственна экономика). И ответственность эта заключается не только в передаче знаний гражданским активистам (как это происходит в процедурах делиберативной демократии), но и в непосредственном участии социологов в митингах, забастовках, а если и потребуется – в акциях гражданского неповиновения [Буравой, 2007; 2008]. Представления Майкла Буравого достаточно широко обсуждались и в российском социологическом сообществе, итоги этих обсуждений см.: [Общественные движения, 2009]. Петербургский социолог А.Н. Алексеев в одной из этих дискуссий так охарактеризовал обсуждаемую позицию: «Насколько я могу судить, Майкл Буравой инициирует – не впервые в истории мировой социологии – преодоление сциентистских канонов, узкого профессионализма и дисциплинарной ограниченности и выступает за социологию, открытую “всем ветрам” общественной жизни, за социологию “для публики” и в защиту человека и человеческих общностей от государственного или рыночного диктата» [Алексеев, 2008, с. 53]. Концепция публичной социологии, на наш взгляд, хорошо укладывается в модель

«действенных оснований», учитывая ситуацию, когда эксперт не только предлагает варианты решений общественно-политических проблем, но и сам участвует в реализации этих предложений.

Условия реализации моделей взаимодействия экспертного сообщества и власти

Анализ различных вариантов взаимодействия экспертного сообщества и власти в разных странах позволяет нам сформулировать три основных фактора, влияющих на реализацию той или иной модели рассматриваемых взаимодействий. Прежде всего, это характеристика политического режима в данной стране, в частности степень политического плюрализма. Чем меньше в стране политического плюрализма, тем более вероятна реализация модели «оплаченного результата», в пределе, в условиях тоталитарного режима, превращающаяся в модель «приводных ремней». При отсутствии реальной политической конкуренции у властей предрержащих появляется ощущение, что они и так знают все необходимое для принятия политических решений. По мере роста политического плюрализма повышается вероятность реализации «линейно-автономной модели», а при становлении демократии участия, реализации практики *governance* («управление без управляющих») возникают условия и для модели «действенных оснований».

Помимо этого, главного условия, можно выделить еще два. Первое – организационное, структурное условие – это наличие особого типа «пограничных структур» или структур-медиаторов, называемых фабриками мысли или «мозговыми центрами», в рамках которых и происходят прежде всего генерация и продвижение инноваций в социальной и политической сферах. Опыт американских и европейских фабрик мысли, включающих в себя как экспертов-аналитиков, так и специалистов по продвижению подготовленных предложений в органы власти или в общественную публичную сферу, достаточно подробно описан в ряде монографий и статей [см., например: Балаян, Сунгуров, 2014; Беляева, Зайцев, 2008; Rich, 2008; *Think tank traditions*, 1998]. Существование таких достаточно автономных и устойчивых фабрик мысли очень важно для реализации модели «действенных оснований». Их наличие делает

автономными и классические «пограничные структуры» – экспертно-консультативные советы разного типа и уровня.

Наконец, третьим условием является определенный уровень кооперативной солидарности и разделяемых этических норм среди самого экспертного сообщества, наличие которых и делает его собственно «сообществом», а не собранием отдельных индивидов. Именно наличие таких общих норм и ценностей может служить препятствием для реализации модели «оплаченного результата».

В СССР первое условие – наличие политического плюрализма – практически отсутствовало. В сталинский период в стране господствовала модель «приводных ремней», далее трансформировавшаяся в модель «оплаченного результата». При этом начиная с хрущёвской оттепели действовала и «линейно-автономная» модель, опирающаяся на институты АН СССР в области общественных наук, отчасти выполнявших роль фабрик мысли или «университетов без студентов», нацеленная вначале на анализ внешнеполитических проблем, а затем с большим трудом и на анализ проблем внутренних, реализуя функцию научного консультирования [см., например: Черкасов, 2005]. Однако и здесь возникло достаточно специфическое экспертное сообщество, члены которого не только реализовывали функцию генерации и продвижения инноваций в поле публичной политики, характерную уже для модели «действенных оснований». Имеется в виду «методологическое движение», состоявшее из учеников и последователей советского философа и логика Г.П. Щедровицкого (а сегодня – уже и из учеников его учеников). Еще в советское время представители школы Г.П. Щедровицкого выполняли важную роль консультантов по оргразвитию, в процессе проводимых ими оргдеятельностных игр разрабатывались программы развития ряда крупных предприятий и даже целых регионов – например, экономика БАМа, безопасность атомных станций. Уже в годы перестройки ими были подготовлены и проведены выборы руководителей Рижского автозавода микроавтобусов, развитие свободных экономических зон и т.д.

После смерти в 1994 г. Г.П. Щедровицкого¹ методологически ориентированные группы разделяются на отдельные школы, на-

¹ Подробнее о наследии Г.П. Щедровицкого см.: Некоммерческий научный фонд «Институт развития имени Г.П. Щедровицкого». – Режим доступа: <http://www.fondgpr.ru>

правления и проекты, среди которых наиболее известной является университетская корпорация Школа культурной политики П.Г. Щедровицкого. В 2000 г., после создания федеральных округов и назначения Полномочным представителем Президента РФ в Приволжском ФО С.В. Кириенко, участвовавшего еще в советское время в оргдеятельностных играх под руководством П.Г. Щедровицкого, был создан Центр стратегических исследований ПФО, действовавший как фабрика мысли при полпреде [Сунгуров, 2011].

Еще одним ярким примером российского экспертного сообщества с высоким уровнем профессиональной корпоративной этики, члены которого реализуют как консультативную, так и инновативную функции, является междисциплинарное сообщество, объединившееся вокруг разработки понятия и концепции «гуманитарная экспертиза» [Экспертиза в социальном мире, 2006]. Это направление начало формироваться еще в СССР в рамках российской научной школы прикладной этики, одним из основателей которой является В.И. Бакштановский, выдвинувший идею экспертно-консультативной функции прикладной этики еще в 1983 г. [Бакштановский, 1983]. Затем сообщество получило свое развитие в совместных обсуждениях и публикациях психологов, философов, лингвистов [Философия и культурология... 2011].

В *постсоветской России* фабрики мысли как структуры, позволяющие реализовать и консультативные, и инновативные функции, начали активно возникать в середине 1990-х годов, когда наблюдался относительно высокий уровень политического плюрализма и в стране активно работали иностранные фонды. Можно считать, что к концу 1990-х в России стала устанавливаться «линейно-автономная» модель взаимодействия экспертного сообщества и власти. Затем, уже в новом столетии, шли параллельно процессы усиления моноцентрического политического режима и уход иностранных фондов из страны. Поэтому фабрики мысли и близкие к ним структуры, лишённые независимых от государства финансовых ресурсов, стали исчезать прежде всего на региональном уровне, а затем этот процесс затронул и столицы [Аналитические сообщества... 2012; Сунгуров, 2014]. К сожалению, в то время фактически отсутствовало третье условие, противостоящее модели «оплаченного результата», – корпоративные этические стандарты экспертного и академического сообщества, о

чем свидетельствовала и достаточно широкая практика изготовления «диссертаций под заказ».

Тем не менее в России и сегодня эффективно работают в области публичной политики такие фабрики мысли, как фонд ИНДЭМ и Комитет гражданских инициатив в Москве, Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» и Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия» в Санкт-Петербурге, Центр гражданского анализа и независимых исследований «Грани» в Перми. Их деятельность является примером реализации функции генерации инноваций в сфере публичной политики, а в некоторых случаях мы видим и реализацию функции гражданского активизма (примером могут служить деятельность президента фонда ИНДЭМ Г.А. Сатарова в качестве сопредседателя Всероссийского гражданского конгресса в 2004–2008 гг. или публичные выступления академика РАН Ю.С. Пивоварова зимой 2011/2012 гг.).

Часть подобных структур имела в прошлом практику и реализации консультативной функции, однако по мере перехода политического режима страны от полицентрического к моноцентрическому, приближающемуся к режиму электорального авторитаризма, у власти все меньше остается желания реагировать на инициативы этих организаций (что может вызвать неудовольствие у их вышестоящих по иерархии руководителей) и спрашивать их советы. В последнем случае хотя бы относительная самостоятельность этих фабрик мысли может служить препятствием к перерождению настоящих консультаций в прямую реализацию полученных заданий, т.е. переходу к реализации символической функции в рамках модели «оплаченных результатов».

Респондент, входящий во влиятельные властные структуры одного из крупных российских регионов, сравнивая отсутствие интереса руководящих лиц региона к советам экспертов с нежеланием власти слушать рекомендации пожарников по уборке мусора до начала пожара, завершил свою мысль такими словами: «Профилактика пожара и тушение – две разные функции. В сегодняшнем формате консервативной ментальности прогностическая функция – не востребована»¹. К этому же выводу – отсутствию желания вла-

¹ Интервью с Б. – председателем комиссии регионального Законодательного собрания, март 2013 г.

стных структур в современной России слушать рекомендации представителей экспертного сообщества – приходят и авторы диссертационных исследований, посвященных участию экспертов в современном политическом процессе [Хвостунова, 2006; Волюнкина, 2011].

В этой ситуации для экспертов, не вовлеченных в какие-либо структуры типа фабрик мысли, а участвующих в консультативном процессе в индивидуальном, разовом порядке, существует опасность вместо реализации консультативной функции исполнять чисто символическую функцию, что будет соответствовать уже модели «оплаченных результатов». В случае участия экспертов в составе экспертных и экспертно-консультативных советов разного уровня вероятность навязывания символической функции снижается. Такие советы практически не выходят за рамки чисто консультативной функции, так как не обладают какой-либо автономией и их состав формируется исключительно по решению лица, при котором они создаются.

Обратимся вначале *к странам с устойчивой демократической системой* политического плюрализма, в рамках которой модель «оплаченного результата» если и имеет место, то является маргинальной. В этом случае мы наблюдаем постепенный переход от линейно-автономной модели к модели «эффективных оснований». В такой ситуации важную роль играют различного типа экспертные или консультативные советы, действующие иногда автономно от властных структур, которым они дают советы.

Ярким примером может служить Международная комиссия по радиологической защите, основанная еще в 1928 г. на Международном конгрессе по радиологии. Ее учредителем до сих пор остается Международное общество радиологов. Исходная миссия состояла в разработке принципов и стандартов, направленных на защиту медицинского персонала и пациентов против возможного поражающего действия ионизирующего излучения. За годы работы рекомендации комиссии о предельных допустимых дозах радиации для населения и персонала стали основой для большинства национальных и международных правил и норм, регулирующих допустимые дозы облучения. Члены комиссии избираются сроком на четыре года самой комиссией в соответствии с уставом, утвержденным Международным обществом радиологов. Работу комиссии обеспечивает секретариат с минимальной бюрократией [Streffer, 2011].

Деятельность этой комиссии служит также примером, когда наряду с чисто медицинским знанием ее члены учитывают и последствия своих решений, например, для равноправия мужчин и женщин¹. Мы видим, что в этом случае в полной мере реализуется третья из сформулированных нами функций – функция генерации инноваций, а работа комиссии все более соответствует модели «эффективных оснований».

Другим примером длительно и эффективно работающей консультативной организации, учрежденной правительством и функционирующей на национальном уровне, может служить Королевская комиссия по загрязнению окружающей среды Соединенного Королевства. Она была создана в 1970 г. в период значительного роста беспокойства по поводу экологических проблем. К 2010 г. комиссия подготовила 32 доклада по вопросу ее компетенции. Важно, что во всех случаях кроме трех комиссия сама определяла темы своих докладов, иногда вызывая недовольство правительства или отдельных министров. Доклады направлялись королеве и парламенту, и на них ожидался ответ. Эти доклады, как правило, публиковались, но иногда некоторое время спустя после их подготовки. Члены комиссии назначались на индивидуальной основе сроком в среднем на шесть лет. Голос комиссии авторитетно звучал в публичных дебатах по различным поводам. Иногда рекомендации комиссии реализовывались спустя несколько лет после их появления, при этом влияние осуществлялось и через различные профессиональные сети и сообщества, в которые входили члены комиссии [Owens, 2011]. В этом случае мы видим комбинацию консультативной функции и функции генерации инноваций.

Достаточно автономный характер деятельности подобных консультативных советов обеспечивается не только политическим плюрализмом, существующим в этих странах, но и опорой их членов как на достаточные сильные и авторитетные профильные научные ассоциации, так и на разработки «пограничных структур» другого типа – разнообразных фабрик мысли (или мозговых центров), в рамках которых и происходит прежде всего реализация

¹ Так, хотя с медицинской точки зрения показано, что мужчины способны без вреда здоровью выносить большие дозы радиации, чем женщины, члены этой комиссии установили предельно допустимые нормы облучения исходя из чувствительности женского организма как для мужчин, так и для женщин.

функции генерации и продвижения инноваций в социальной и политической сферах [Балаян, Сунгуров, 2014; Rich, 2008].

* * *

Подводя итоги, мы можем заключить, что рассмотренные в работе модели взаимодействия экспертных сообществ и власти – модель «оплаченного результата», включая и такую ее разновидность, как модель «приводных ремней», «линейно-автономная» модель и модель «эффективных оснований», – могут быть очень условно соотнесены с авторитарным (тоталитарным) политическим режимом, режимом представительной демократии и режимом демократии делиберативной, демократии участия, реализации практики *governance*. При этом важную роль в реализации той или иной модели могут играть еще два фактора. Первый – это наличие или отсутствие особого типа «пограничных структур» или структур-медиаторов, называемых фабриками мысли или мозговыми центрами, существование которых позволяет экспертно-консультативным советам сохранять определенную автономию и переходить от реализации исключительно функции научного консультирования к инновативной функции. Второй – это наличие общих норм и ценностей внутри самого экспертного сообщества. Именно этот фактор позволил еще в СССР сформироваться такому феномену, как методологическое сообщество. Можно выразить надежду, что и в современной России развитие профессиональных этических стандартов внутри политологического сообщества будет содействовать сопротивлению навязывания политической экспертизе чисто символической роли.

Список литературы

- Алексеев А.Н.* Публичная социология как стиль // *Общественная роль социологии* / Под ред. Романова П., Ярской-Смирновой Е. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – С. 53–64.
- Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики* / Редкол.: Н.Ю. Беляева (отв. ред), Ш.Ш. Какабадзе, Д.Г. Зайцев. –

- М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); РОССПЭН, 2012. – 253 с.
- Бакистановский В.И.* Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы. – М., Знание, 1983. – 63 с.
- Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли: международный и российский опыт: Учеб. пособие. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – СПб., 2014. – 236 с.
- Балаян А.А.* Власть и интеллектуальная элита в условиях политических трансформаций. Опыт Европы, Юго-Восточной Азии и постсоветского пространства. – СПб.: Алтейя, 2015. – 138 с.
- Беляева Н.Ю., Зайцев Д.Г.* «Фабрики мысли» и «центры публичной политики»: два разных субъекта экспертного обеспечения политики // *Мировая экономика и международные отношения.* – М., 2008. – № 1. – С. 26–35.
- Буравой М.* Публичная социология прав человека // *Журнал социологии и социальной антропологии.* – М., 2007. – Т. X, № 4. – С. 27–44.
- Буравой М.* За публичную социологию // *Общественная роль социологии /* Под ред. Романова П., Ярской-Смирновой Е. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – С. 8–51.
- Волынкина Л.А.* Политическая экспертиза как фактор политического процесса: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Саратов, 2011. – 23 с.
- Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и вузов, получающих финансирование из зарубежных источников: анализ и обобщение / Российский институт стратегических исследований. – М., 2014. – Режим доступа: <http://www.riss.ru/analitika/2797-rossijskie-issledovatel'skie-tsentry-i-vuzu> (Дата обращения: 02.05.2015.)
- Казакова Е.В.* Экспертные сообщества России как современные политические институты: Автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2012. – 23 с.
- Кун Т.* Структура научных революций. – М.: АСТ, 2009. – 310 с.
- Малинова О.Ю.* Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: анализ идеологических практик в современной России // *Политическая наука.* – М., 2013. – № 4. – С. 192–210.
- Назарчук А.В.* Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // *Полис.* – М., 2011. – № 5. – С. 99–103.
- Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / Под ред. Романова П., Ярской-Смирновой Е. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. – 224 с.
- Сабатье П., Дженкинс-Смит Х.* Концепция лобби-коалиций: оценка // *Публичная политика: от теории к практике.* – СПб.: Алтейя, 2008. – С. 94–154.
- Сунгуров А.Ю.* Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // *Полис.* – М., 1999. – № 6. – С. 34–48.

- Сунгуров А.Ю. Инновации и их диффузия: к возможности использования концепции в социально-политической сфере // *Философские науки*. – М., 2010. – № 1. – С. 9–18.
- Сунгуров А.Ю. Экспертная деятельность и экспертные сети // *Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография*. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – С. 98–124.
- Сунгуров А.Ю. Экспертное сообщество, фабрики мысли и власть: опыт трех регионов // *Полис*. – М., 2014. – № 2. – С. 72–87.
- Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография*. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – 508 с.
- Хвостунова О.И. Эксперты как субъект политического дискурса в СМИ: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук: 10.01.10. – М., 2006. – 24 с.
- Черкасов П.П. ИМЭМО. Институт мировой экономики и международных отношений. Портрет на фоне эпохи. – М.: Весь мир, 2005. – 570 с.
- Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – 454 с.
- Cash D.W. «In order to aid in diffusing useful and practical information»: Agricultural extension and boundary organizations // *Science, technology and human values*. – Newbury Park, Calif., 2001. – Vol. 26, N 4. – P. 431–453.
- Guston D.H. Stabilizing the boundary between U.S. politics and science: The role of the office of technology transfer as a boundary organization // *Social studies of science*. – L., 1999. – Vol. 29, N 1. – P. 87–112.
- Guston D.H. Between politics and science: Assuring the integrity and productivity of research. – Cambridge, UK: Cambridge univ. press, 2000. – 213 p.
- Guston D.H. Boundary organizations in environmental policy and science: An introduction // *Science, technology, and human values*. – Newbury Park, Calif., 2001. – Vol. 26, N 4. – P. 399–408.
- Hellström T., Jacob M. Boundary organizations in science: From discourse to construction // *Science and public policy*. – N.Y., 2003. – Vol. 30, N 4. – P. 235–238.
- Hoppe R., Wesselink A., Cairns R. Lost in the problem: the role of boundary organizations in the governance of climate change // *Wiley interdisciplinary reviews. Climate change*. – Hoboken, N.J., 2013. – Vol. 4, Is. 4. – P. 283–300.
- Jasanoff S. Quality control and peer review in advisory science // *The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance* / Ed. by Lentsch J., Weingart P. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – P. 19–35.
- Medvetz T. Murky power: «Think tanks» as boundary organizations // *Rethinking power in organizations, institutions, and markets research in the sociology of organizations*. – Bingley: Emerald, 2012. – P. 113–133.
- Miller C. Hybrid management: Boundary organizations, science policy, and environmental governance in the climate regime // *Science, technology, and human values*. – Newbury Park, Calif., 2001. – Vol. 26, N 4. – P. 478–500.
- O'Mahony S., Bechky B.A. Boundary organizations: Enabling collaboration among unexpected allies // *Administrative science quarterly*. – N.Y., 2008. – Vol. 53, N 3. – P. 422–459.

- Oreskes N.* Science and public policy: what's proof got to do with it? // Environmental science and policy. – Cambridge, 2004. – Vol. 7, N 5. – P. 369–383.
- Oreskes N.* Reconciling representation with reality: unitization as example for science and public policy // The Politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance / Ed. by Lentsch J., Weingart P. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – P. 36–53.
- Owens S.* Knowledge, advice and influence: the role of the UK royal commission on environmental pollution, 1970–2009 // The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance / Ed. by Lentsch J., Weingart P. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – P. 73–101.
- The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance / Ed. by Lentsch J., Weingart P. – Cambridge: Cambridge university press, 2011. – 381 p.
- Rich A.* Think tanks, public policy, and the politics of expertise. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – 258 p.
- Sarewitz D.* Looking for quality in the wrong places, or: the technological origin of quality in scientific policy advice // The Politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance / Ed. by Justus Lentsch and Peter Weingart. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – P. 54–70.
- Streffler C.* International commission on radiological protection: Policy and worldwide standards // The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance / Ed. by J. Lentsch and P. Weingart. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – P. 102–114.
- Think tank traditions: Policy analysis across nations / Ed. by Stone D., Denham A. – Manchester: Manchester univ. press, 2004. – 322 p.